

Формирование философских оснований психологической концепции одаренности в XIX – начале XX века

д.ф.н. к.психол.н. проф. Ивлева М.Л., к.ф.н. доц. Иноземцев В.А.
Университет машиностроения,
8(499)2671640 marinanonna@yandex.ru

Аннотация. В статье изучается формирование философских оснований психологической концепции одаренности в XIX – начале XX веков. Проводится анализ важнейших философских и психологических учений этой эпохи, оказавших влияние на развитие философских оснований психологической концепции одаренности.

Ключевые слова: психологическая концепция одаренности, философские основания, одаренная личность, романтизм, индивидуализм, иррационализм, евгеника.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-06-00460 «Психологическая концепция одаренности: теоретико-историческое исследование».

В истории европейской мысли в XIX веке сформировалось течение, объединяющее философские учения, провозглашающие дифференциацию людей на выдающихся и рядовых, героев и представителей «толпы», «гениев» и «посредственностей». Идея дифференциации людей, выделения среди них, с одной стороны, выдающихся личностей, а с другой стороны, маргиналов («дураков») уже присутствовала в гуманистической философии эпохи Возрождения. Но там эта идея еще не выступала на передний план.

В XIX веке появились философские учения, весь пафос которых связан с идеей дифференциации людей. Одним из наиболее ярких образцов такой доктрины является философия Ф. Ницше с идеей «сверхчеловека».

Такие антропологические учения назовем индивидуалистическими, поскольку человек в них выступает не как единое родовое существо (как, например, в философии Платона, Декарта, Локка, Гегеля, Канта), с точки зрения способностей, присущих ему как родовому существу и родовых свойств человеческой природы, а как индивид, одаренный особыми, исключительными способностями и противопоставленный «толпе».

Идея исключительной личности зародилась в философии романтизма, появление которой открыло новую страницу в истории философской мысли и вместе с тем ознаменовало новый важный этап формирования концепции одаренности. Основные принципы философии романтизма выражены уже в работах Ф.В.Й. Шеллинга и И.Г. Гердера, хотя их собственные философские учения еще не постулируют идею исключительной личности. Шеллинг создал натурфилософию, в которой мир представал как целое, с плавными переходами от неорганической к органической природе. Гердер этот целостный взгляд распространил и на историю, в которой видел органическую смену эпох и законосообразное движение народов. Романтики отвели истории и изучению языков, обычаев и искусства главное место в системе наук о человеке. Философы предромантизма и романтизма считали, что в искусстве отражается «душа нации», а в художественном гении видели воспитателя, духовного наставника народа.

В контексте этого нового мировосприятия и возник новый идеальный тип выдающейся личности – тип гения. Он заменил собой такие идеальные типы культуры прошлого, как герой античности, святой средневековья и «универсальный человек» (*homo universale*) Возрождения. В 1759 году английский поэт Э. Юнг опубликовал свои размышления о гении. За образец он взял Шекспира – оригинального гения, который, по мнению Юнга, следовал природе, а не установленным правилам искусства. Гений, как считал Юнг, отличается от индивида, регулируемого правилами разума как волшебник от умелого строителя – он творит неведомыми средствами там, где строитель употребляет обычные орудия.

Эти идеи предромантизма развивались в Германии одним из основателей движения

«бури и натиска» – И.Г. Гаманом, философия которого была направлена против абстрактного рационализма раннего Просвещения. Холодной рассудочности Гаман противопоставил интенсивность и страстность познания творческой личности. Такое познание является интуитивным, оно осуществляется не столько головой, сколько сердцем, и доступно лишь поэтическому гению. В эстетике «бури и натиска» понятие гения, в которое немецкие романтики вкладывали идеалы свободы личности и права на индивидуальность, заняло центральное место. В противоположность зажатому рамками логики рассудку гений представлялся им свободным, как стихия.

Романтики связывали тип гения с идеей прогрессивного развития, совершенствования человека, и эта идея шла от философии немецкого и французского Просвещения, в частности от Гердера. Вслед за французскими просветителями, Гердер верил в прогресс. Прогресс не столько научно-технический, сколько внутренний, заключающийся в развитии чисто человеческих качеств: разума, любви к свободе, тонкости чувств и влечений, общения с себе подобными, религиозной веры. Для этих качеств Гердер предложил собирательное имя – Humanitat («человечество», «дух человеколюбия», «гуманность», «человечность»). Humanitat служило в одно и то же время и описательным, и нормативным понятием, с одной стороны, оно характеризовало специфику человека в ряду живых существ, с другой – задавало человечеству идеал, направление развития. В конце этого развития, мечтал Гердер, человек – пока только человекоподобный – станет человеком, и расцветет бутон гуманности, застывающий от холода и засыхающий от зноя, он расцветет и явит подлинный облик человека, его настоящую, его полную красоту. «Мне хотелось бы вместить в одно слово «человечность» все сказанное о благородном складе человеческого существа, предрасполагающем человека к разуму и вольности, к тонким чувствам и влечениям, к хрупкости и выносливости тела, к заселению всей суши и к власти над всей Землей; ведь чтобы говорить о своем человеческом предназначении, нет у человека слова более благородного, чем само слово «человек», в котором запечатлен образ творца земли» [Гердер, с. 107].

Философию Гердера питала религиозная идея: он считал, что Humanitat – «богоподобная гуманность» – это качество, раскрывающее истинный, возвышенный облик человека и поэтому приближающее его к Богу. Веря в органическое единство мира, Гердер рассматривал человека как звено в цепи всеобщего развития. Он возражал против трактовки животных как «машин», видя «повсюду в природе прообразы человеческого образа действий» [Гердер, с. 76]. Человек, органически связанный с животным миром, отличается от него главным образом прямохождением. Его прямохождение создает «органические предпосылки к способности разума», «тонким чувствам, искусству и языку», к «тонким влечениям, а потому и к вольности». Эти предпосылки заключаются в развитии головного мозга, органа специфически человеческих способностей – интеллекта, чувств, воображения [Гердер, с. 90].

В то же время Гердер считал, что биологическое развитие отнюдь не гарантирует пробуждения в человеке «гуманности». Человека возвышает и облагораживает то, что продумано и прочувствовано в человеческих понятиях и представлениях. Поэтому о развитии гуманности можно судить по истории народов и достижениям культуры, а более всего – по развитию религии и нравственности. «Никто еще не открывал в человеческом мозге мозг духовный – зародыш будущего человеческого существования; и хотя бы самый незначительный аналог ему нельзя увидеть в строении мозга. Мозг мертвеца остается здесь, на нашей земле, и если бы в бутоне нашего бессмертия не было заключено иных сил, то он засох бы и лежал во прахе у наших ног» [Гердер, с. 112-114].

В соответствии со своим кредо Гердер наметил и путь для новой психиатрии, которая сможет поспорить с грубо-материалистической, ибо, «если в будущем семиотику души будут изучать так, как изучают теперь семиотику тела, то во всех душевных болезнях будет распознана их духовная природа» [Гердер, с. 130].

Однако дальнейшее развитие естествознания пошло именно по тому пути, против которого выступал немецкий философ: поиска человеческих способностей в структурах мозга, поиска, по выражению Гердера, «духовного мозга» в мозге материальном.

С легкой руки романтиков спонтанность, интуиция, эмоциональность стали восприниматься почти обязательными атрибутами гения. Акцент романтиков на иррациональности скомпрометировал гения в глазах более трезвых современников и потомков. Прусский ученый Л. Якоби, например, утверждал в 1798 году, что организованный, собранный человек с хорошо упорядоченными знаниями и способностью сообщать их другим будет лучшим профессором, нежели гений с шокирующими взглядами, который не заботится об усердии, читая лекции своим студентам.

Во многом из-за настойчивого подчеркивания бессознательной и иррациональной природы творчества феноменом гения заинтересовались врачи. Медики стали видеть в таланте «отклонение от нормы» и искать его органические проявления. Во второй половине XIX века в психиатрии возобладали так называемая теория вырождения, в рамках которой психическая болезнь трактовалась как развитие обратное прогрессивному, возврат на предшествующую ступень развития. Согласно итальянскому психиатру и основателю так называемой «криминальной антропологии» Ч. Ломброзо, «аномалии», под которыми он подразумевал психическую болезнь, склонность к совершению преступлений и выдающиеся способности, – обусловлены особым конституциональным типом. Ломброзо связывал появление этого типа с «обратным развитием» и называл «атавистическим», «ретроградным». Он утверждал, что «атавистический» тип предрасположен к эпилепсии и отмечен особой ямкой на черепе.

Большинство врачей (как, впрочем, и широкая публика) были шокированы утверждением Ломброзо, что «гений – это эпилепсия». Эпилепсия в конце века считалась безошибочным признаком глубокого физического и психического вырождения. Конфликт был вызван тем, что врачи, как и остальная часть образованного общества XIX века, верили в то, что гений – конечная, вершинная точка человеческого развития. Однако у них были свои определенные представления о том, каким должен быть «настоящий» гений. В противоположность эмоциональным «безумцам» романтиков, гением эпохи позитивизма мог быть только рационально мыслящий человек с сильной волей и строгой моралью. Такова, в частности, позиция немецкоязычного врача и литератора М. Нордау, утверждавшего, что конечный пункт развития человека – это «гений суждения и воли» [Nordau, p. 116-202]. Число «настоящих» гениев оказывалось очень невелико и ограничивалось, по ироническому замечанию Дж.Б. Шоу, Шекспиром, Гете, Бетховеном, Ломброзо и самим Нордау [Shaw, p. 89].

М. Нордау возражал против того, что всех гениев можно считать вырождающимися. «Артистические псевдогении .., – писал М. Нордау, – действительно, предмет психиатров, однако, существуют «истинные гении.., не больные и не вырождающиеся». Более того, эти гении иные, высшие по своей организации существа. Их мозг отличается от мозга обыкновенных людей: «У массового человека мозговые центры похожи на механическую музыкальную шкатулку, они играют только те пьесы, которые были в них заложены. У необыкновенного человека, напротив, мозговые центры похожи на музыканта-виртуоза. Они играют пьесы, никогда до этого не слышанные» [Nordau, p. 134]. У промежуточной категории «артистических», или «эмоциональных» гениев такой драматической разницы в устройстве мозгового аппарата не наблюдается, и они «отличаются от среднего человечества более сильными автоматическими реакциями центров, а не особым оригинальным развитием» [Nordau, p. 138].

Нельзя не заметить, что, несмотря на общую позитивистскую установку Нордау, в том, что он писал, слышались явные отзвуки романтического представления о гении как оригинальности и «природной силе». Странник Дарвина, Нордау соединил обе эти идеи и пришел к выводу, что оригинальность гениев заключается в особом строении мозга, пусть пока еще не достигшем стабильности и подверженном «поломкам», но, тем не менее, многообещающим в эволюционной перспективе. Без всякого смущения по поводу логики немецкий врач считал, что, благодаря инновации в мозговых структурах, природная оригинальность гениев станет в будущем достоянием каждого. «Гений способен развиваться, – писал Нордау. – Он есть первое появление в индивидуе новых функций и, без сомнения, также новых или измененных тканей мозга, предназначенных, может быть, для того, чтобы сделаться по-

том типичными для целого вида». Уязвимость гения с точки зрения болезней еще не доказывает его патологической природы, «это доказывает только то, что новая эволютивная формация ... является в первый раз, как личное приобретение, более нежного свойства, обладает меньшей способностью сопротивления, нежели более грубо и крепко сколоченный орган, упроченный наследственностью и долгим подбором» [Нордау, с. 37].

Идеи Нордау были созвучны идеям Э. Геккеля и его последователям, работавшим на рубеже XIX – XX веков в Йене, которая благодаря их трудам приобрела известность «цитадели социал-дарвинизма». В 1898 году йенский историк О. Лоренц опубликовал книгу о генеалогии, соотнеся свой подход с концепцией Вейсмана о зародышевой плазме. В 1905 году Геккель основал Монистскую лигу с целью реформировать жизнь, искусство и психологию на биологических принципах. А годом раньше в Йене был объявлен конкурс на лучшую работу о применении эволюционных законов к обществу, положивший начало ряду социально-биологических проектов. Так, йенский психиатр В. Стромайер начал исследование психической патологии с помощью статистического анализа семейных генеалогий, а вскоре к исследованию наследственной патологии подключился ставший впоследствии известным психиатр Э. Рюдин.

Еще год спустя было основано Общество расовой гигиены, поставившее задачей евгеническое совершенствование немецкой расы. Его основателя А. Плотца вдохновлял афоризм Ницше: «Путь вперед лежит от вида к супервиду». Одной из задач евгенического движения была ликвидация несправедливости природы и поддержка «слабых» с точки зрения естественного отбора, но «социально ценных» гениев с помощью искусственных мер, таких как регуляция рождаемости. Как утверждал один из основателей евгеники в Англии К.В. Саллеби, производить потомство должны гений и святой, спортсмен и художник, а не преступник, слабоумный, немощный человек и обыватель. В Германии, как и в других европейских странах, вместе с евгеническими идеями возродился культ гениев. Даже врачи, призывая «культивировать» гениев, склонялись к мнению, что гений, хотя бы и больной, лучше здоровой посредственности.

После того, как работа Нордау о «психофизиологии гениев» была переведена и издана в России в начале XX века, здесь также появились защитники идеи «биологического отличия» гениев от средних людей. В 1899 году Н.Н. Баженов сформулировал мысль о том, что гений – это прототип человека будущего, как по своим выдающимся достижениям, так и физически. Он предложил называть прогрессивное развитие человечества до стадии гениев термином, противоположным «вырождению», «дегенерации», и говорить о рождении будущего типа. Баженов считал необходимым в случае больных гениев говорить не об инволюции, а об «известной дисгармонии, неустойчивости, происходящей, быть может, не от прирожденного убожества, а от неполноты, незавершенности создания высшего психического типа» [Шайкевич, с. 309].

Баженов воспроизвел «эволюционную гипотезу» Нордау, заявив, что, как первые образцы нарождающегося типа, современные гении не могут быть совершенны. Он использовал и «музыкальную» метафору Нордау, уподобив гениев тонкому, сложно устроенному музыкальному инструменту, при изготовлении которого вероятность брака особенно велика, например, скрипке. Подобно тому, как при создании редкой по звучанию скрипки (например, Страдивари) неизбежны издержки в виде брака, так и современные гении обладают дефектами, от которых человек сможет избавиться только в будущем. Баженов, ценитель искусства, сам писавший стихи, снисходительнее, чем Нордау, относился к «артистическим гениям». «Эмоциональный тип» он ставил наравне с «интеллектуальным», а в поэтах-декадентах, которых Нордау третировал как «вырожденцев», видел «материалы, собранные великим зодчим для создания чудного, но еще не построенного здания» [Баженов, с. 33].

Сам термин «высшие вырождающиеся» Баженов считал противоречивым. Тех, кого общество признает «высшими», нельзя назвать вырождающимися, т.е. «низшими» с биологической точки зрения. Этот «парадокс» теории эволюции, что в человеческом обществе «лучшие» далеко не всегда относятся к «наиболее приспособленным», постоянно беспокоил

ученых XIX века. Баженов пришел к своему решению: он скорее соглашался изменить взгляд на эволюцию и душевную болезнь, чем «унизить» гениев ценностно нагруженным ярлыком «дегенератов». «Используя психиатрическую терминологию при изучении психомеханики гениев, – писал он по поводу Достоевского и Мопассана, которых считали душевнобольными, – мы ... приходим к заключению о болезни, ретроградном развитии, вырождении. Если мы примем, что человеческая психология, как и вся область биологических фактов, подчиняется закону прогрессивной эволюции, не должны ли мы тогда говорить о «прогенерации» вместо «дегенерации» и об «апостериоризме» вместо атавизма?» [Важенhoff, p. 36].

Идея прогенерации Баженова имела свою дальнейшую историю уже после революции. В 1925 году в Екатеринбурге начал выходить журнал «Клинический архив гениальности и одаренности (эвропатологии)», который был посвящен вопросам патологии гениально-одаренной личности, а также вопросам одаренного творчества, так или иначе связанного с психопатологическими уклонами. Издатель и главный автор этого журнала Г.В. Сегалин, получивший медицинскую степень в университетах Германии (Халле и Йене), разделял идеи евгеники и свою задачу видел в том, чтобы найти дополнительные подтверждения связи таланта с душевными расстройствами. Вернувшись в Россию перед Первой мировой войной, Г.В. Сегалин начал преподавать психиатрию в Казани, но его деятельность прервала революция. После демобилизации из армии он участвовал в организации медицинского факультета в только что открытом в Екатеринбурге университете, где преподавал неврологию и психиатрию, а в Уральском политехническом институте основал лабораторию психотехники, был членом комиссии по несовершеннолетним преступникам, экспертом на политических процессах, консультантом в оперном театре.

Однако проектом Г.В. Сегалина было изучение гениев в государственном и даже международном масштабе. С целью правильнее и эффективнее использовать энергию их творчества Сегалин предлагал создать новые науки – ингениологию (для всестороннего изучения творчества) и европатологию («хорошую патологию» для исследования роли болезни в творчестве), а также развернуть практические меры под шапкой «эстетико-творческой медицины».

Для этого, по его замыслу, был необходим государственный научный институт, в котором гении стали бы предметом лабораторного исследования. Поскольку «мозг и труп умершего даровитого человека не были объектами систематического изучения, Институту в первую очередь предстоит законодательным порядком декретировать обязательное вскрытие мозга всех без исключения выдающихся людей, а при надобности также вскрытие трупа с оставлением его в анатомическом музее гениального человека для посмертного изучения» [Сегалин, 1928, с. 53-60]. Научную программу изучения гениев Сегалин предлагал дополнить социальной. Эта программа должна была включить открытие профессиональных лечебниц и санаториев для талантливых людей, а также «собесов гениального безумца» [Сегалин, 1928, с. 58].

Проект Сегалина был созвучен идеям, разделяемым многими его современниками, и не казался им неосуществимым, о чем говорит тот факт, что московский невролог Г.И. Россоломо, директор основанного им Института детской неврологии, в 1921 году организовал доклад Сегалина и помог образовать комиссию, готовую рассматривать проект. В комиссию вошли художник В. Кандинский, литературовед Ю.И. Айхенвальд, психолог Н.А. Рыбников, психиатр и психоаналитик И.Д. Ермаков. С точки зрения науки того времени замыслы Сегалина вовсе не были из ряда вон выходящими, сближаясь с идеями английских и немецких евгеников. Например, члены германского Общества расовой гигиены призывали к созданию базы данных о наследственности населения, в которую заносились бы все случаи психических болезней и исключительного здоровья, способностей к лидерству и других проявлений таланта.

В том же 1921 году, когда Сегалин докладывал план Института гениальности, Э. Рюдин, возглавивший генеалогический отдел Общества, начал с этими целями составлять «полный список населения» страны, а еще пять лет спустя его отдел получил от Министер-

ства внутренних дел Германии официальный статус и право пользоваться государственными и уголовными документами. В 1930 году в руках немецких психиатров и государства были накоплены данные на 800 тыс. человек и они приступили к составлению «психо-биограммы» на каждого жителя Германии, чтобы затем расклассифицировать всех по типологии Э. Кречмера.

Взгляды Сегалина вполне можно было бы назвать евгеническими – неслучайно и евгеника и эвропатология имели греческую приставку ев- – «хороший». Было, однако, между ними важное различие, состоявшее в оценке связи «гений – психическая болезнь». Евгеники соглашались, что эта связь существует, но смотрели на нее как на необходимое зло. Считалось, что, хотя психическая болезнь может пробудить в человеке «искру гениальности», она ведет потомство к вырождению. Гения сравнивали с «закатным солнцем, а не с утренней зарей», так как выдающиеся люди якобы редко оставляют потомство, а все-таки родившиеся от них дети не талантливы [Выготский, Зиновьев, с. 612-615]. Кречмер говорил, что «психически уравновешенный человек» предпочтительнее с евгенической точки зрения, так как «не занимается войнами», хотя у медали есть другая сторона – и «не пишет поэзии» [Рецензия на доклад Кречмера на тему «Гений и дегенерация» в Мюнхенском Обществе расовой гигиены, с. 177]. Швейцарский психиатр Форель видел выход в том, чтобы «нормализовать патологических гениев при помощи евгеники» [Форель, с. 51].

Члены Русского евгенического общества также уделяли внимание психической болезни в своих генеалогических и статистических исследованиях [Евгенические заметки. Русское евгеническое общество в 1923 году, с. 60]. В основанном им Бюро по евгенике Ю.А. Филипченко провел обследование ученых и музыкантов Петербурга и сделал вывод, что у талантливых людей больше душевнобольной родни, особенно с материнской стороны [Филипченко, 1922, с. 5-22; Филипченко, 1922, с. 22-38; Филипченко, 1924, с. 5-28]. Прочитав отчет об этом исследовании, Сегалин нашел в нем подтверждение своим мыслям и уже с уверенностью заявил, что появление великого человека органически связано с патологией. Он назвал это «биогенетическим законом», согласно которому гений есть результат скрещивания двух «линий», одна из которых несет потенциальный талант, а другая (материнская) – наследственный психотизм и душевную ненормальность [Сегалин, 1928, с. 24-40]. Механизм подобной наследственности он не уточнял, и лишь позже, под влиянием работ генетиков, стал говорить о «сцеплении генов».

Сегалин объявил, что граница между нормальным и патологическим условна, так как «природа знает только одно творчество, одно аномальное, вытекающее из аномальной же психики гениального человека; забывается ..., что в патологической психике гениального человека наряду с отрицательными процессами дегенерации идет еще сильнее положительный, прогрессивный процесс прогенерации («перерождения») и из этого процесса прогенерации вытекает положительный результат» [Сегалин, 1928, с. 56]. Он сравнил душевную болезнь с родами – в том смысле, что и то и другое приносит плоды, и то и другое можно назвать «положительной болезнью». Себя и свой Институт гениальности он видел в роли повивальной бабки, стимулирующей роды – творчество – с помощью того, что сейчас бы назвали «измененными состояниями сознания», в которых важная роль отводилась психической болезни.

В целом разработка философских учений и идей, направленных на обоснование исключительности одаренных людей при всей их спорности, дала мощный толчок развитию психологической концепции одаренности. Наряду с идеями наличия природных задатков, необходимости и возможности их развития в способности, концепция одаренности содержит в себе ярко выраженную идею индивидуальности. До того момента, как эта идея была выработана и сформулирована в философии, пусть даже и в одиозном виде, формирование психологической концепции одаренности было не завершено. С принятием этой идеи процесс формирования этой концепции перешел в завершающую стадию.

Таким образом, к философским учениям, провозглашающим дифференциацию людей на героев и «толпу», «гениев» и «посредственностей», относятся философия романтизма, философия жизни (Ф. Ницше), французский экзистенциализм (Ж.П. Сартр, А. Камю),

Франкфуртская школа (Т. Адорно, Г. Маркузе).

В заключении следует отметить, что новое, привнесенное этими учениями в процесс формирования концепта «одаренность», связано с новым «идеальным типом», новым типом выдающейся личности как прообраза одаренной личности. Отличие «гения» от античной, христианской и ренессансной моделей одаренной личности состоит в противопоставлении такого человека обществу. Если в предшествующих моделях идеальный тип был «лучшим из лучших», то в данной философской парадигме это «лучший» на контрастном фоне «худших», резко противопоставляемый им. А отсюда недалеко и до маргинализации такого типа личности.

Рассмотренные философские учения и идеи дали мощный импульс формированию концепции одаренности. При всей экстравагантности предлагаемых этими учениями представлений об одаренной личности именно благодаря им сложились предпосылки для теоретической рефлексии над одаренностью как уникальным свойством индивида, отличающим его от других людей и обуславливающим особое отношение к нему со стороны других. Формирующаяся концепция одаренности была дополнена осознанием предметно-деятельностной соотнесенности одаренности.

Литература

1. Баженов Н.Н. Символисты и декаденты. Психиатрический этюд. М., 1899.
2. Выготский Л.С., Зиновьев П.М. Гениальность // Большая медицинская энциклопедия. Т. 6. М., 1929.
3. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М, 1977.
4. Евгенические заметки. Русское евгеническое общество в 1923 г. // Русский евгенический журнал. 1924. № 1.
5. Ивлева М.Л. Научный этап развития психологической концепции одаренности: тенденции, направления и подходы. М., 2012.
6. Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство. М., 2003.
7. Нордау М. Психофизиология гения и таланта // Вестник знаний. СПб., 1908.
8. Рецензия на доклад Э. Кречмера на тему «Гений и дегенерация» в Мюнхенском Обществе расовой гигиены // Клинический архив гениальности и одаренности. 1927. № 2. С. 177-178.
9. Сегалин Г.В. Институт гениального творчества. Проект организации международного института по изучению гениального творчества // Клинический архив гениальности и одаренности. 1928. № 1. С. 53-60.
10. Сегалин Г.В. Патогенез и биогенез великих людей // Клинический архив гениальности и одаренности. 1925. №1. С. 24-40.
11. Филипченко Ю.А. Наши выдающиеся ученые // Известия Бюро по евгенике. 1922. № 1. С. 22-38.
12. Филипченко Ю.А. Результаты обследования ленинградских представителей искусства // Известия Бюро по евгенике. 1924. № 2. С. 5-28.
13. Филипченко Ю.А. Статистические результаты анкеты по наследственности среди ученых Петербурга // Известия Бюро по евгенике. 1922. № 1. С. 5-22.
14. Форель О. Эвропатология и евгеника // Клинический архив гениальности и одаренности. 1928. № 1. С. 51-68.
15. Шайкевич М.О. Психопатологический метод в русской литературной критике // Вопросы философии и психологии. 1904. Кн. 3 (73). С. 309-335.
16. Bajenoff. N., dr. G. de Maupassant et Dostoyevsky. Etude de psychopathologies compare. Conference (Lyon: A. Stork, 1904).
17. Nordau M. The psychophysiology of genius and talent // «Paradoxes». An authorized translation from the German. Chicago, 1886. P. 116-202.
18. Shaw G.B. The Sanity of Art: An Exposure of the Current Nonsense about Artists being Degenerate. L., 1911.